

Нам нужно выбирать.

Я поспешно открыл полиэтиленовый пакет, достал джемпер и грелку, намереваясь согреть Кан Су Рён и проверить ее состояние, но звуки снаружи и темнота вокруг начинают действовать на нервы, и нетерпение поскорее убраться отсюда берет верх. Мне удается одеть на нее джемпер и повернуться, чтобы поспешно уйти, но кашель со стороны останавливает меня.

Я вздохнул и быстро схватил фонарик. Вместе с женщиной в комнате находились пропавшие чиновники. Но все они мертвы, и в этой комнате нет ничего, кроме смерти. Но кашель подсказал, что среди них есть живой. Я пошел на звук и пошевелил фонариком, и свет его выцепил лежащего мужчину.

— К-кто там? — едва слышно прошептал он.

Знакомый голос. Это был Глава. Он лежал, не реагируя ни на что, и не проявляя никакой визуальной реакции на мой свет. Я тяжело сглотнул и прищурился. При ближайшем рассмотрении лицо лидера изуродовано до неузнаваемости.

Он был слеп.

— Сэр...

Я не мог его утешить, а только предложить свою заботу ослепшему и испуганному Главе, и когда он услышал голос, его губы дрогнули, и он испустил вздох, в котором была смесь боли и облегчения. Но лишь на мгновение, словно что-то поняв, он тихо прошептал с едва уловимой смесью радости и отрешенности.

— Дон Юн, это ведь ты? Ха-ах, верно... Не ожидал, что ты придешь.

В коридоре послышались выстрелы. Я подхватил Кан Су Рён на руки, закинув ее на плечо, и подошел к Главе, чтобы помочь ему подняться. Я был рад, что он жив.

— Пойдемте, нам надо торопиться.

Но лидер оттолкнул мою руку, качнув головой, и сказал, что не пойдёт. Это было неожиданно, я дёрнул рукой, а слова застряли в горле. Наступает короткое мгновение тишины. Пока я молчу, Глава сухо сглатывает и бормочет.

— Мне недолго осталось.

Руки лидера дрожали. Он пошевелил одной рукой, открывая рану. Макушка Главы вся была в крови. Это не чужая кровь, а его собственная. Рана на голове наспех заделана грязной

тряпкой, но кровь все равно сочилась. Я выдохнул, видя, как жизнь потихоньку покидает Главу Эдема.

— Уходите...быстрее...

В его голосе слышались нерешительность и страх. Лидер, возможно, боялся смерти. Мы все боимся смерти, и когда конец близок, начинаем бессмысленно метаться, не зная, что ждет нас там. Все, кого я видел, были такими, и это естественное человеческое состояние.

Но он так не поступил. Он не просил жизни, не заставлял других давать ему надежду. Он отказался от своих желаний так легко, так непринужденно, как человек, обладающий чем-то более благородным. Он так легко отказался от своих желаний. Я хочу жить, но не могу. Да, это конец. И в конце была тоскливая улыбка.

— Но...

Вдалеке опять стреляли, и холодный пот, выступивший на лбу, начал литься как дождь. Это плохо. Пока я говорил, времени на побег оставалось все меньше, и я лихорадочно прокладывал в голове маршрут. Надо уходить, надо уходить сейчас! Но инстинкты, борясь с разумом, удерживали меня здесь.

Хотя наши отношения начались лишь из выгоды, время научило меня доверять этому человеку и размышлять над идеей добра. Он, безусловно, хороший. Он также был тем, кто показывал это своими действиями, а не просто словами. Да, я хотел спасти его, если, конечно, была такая возможность, но Глава, похоже, понял мои колебания и медленно взял меня за руку.

— Иди в Эдем...позаботься о людях...

Его голос становился все тише и тише. На полу было слишком много крови, а в руках Главы совсем не осталось сил. Несмотря на это, он все равно меня оттолкнул.

Моя нерешительность возросла, а губы задрожали. Я хотел бы высказать ему всё, но у него слишком упрямый характер, чтобы пытаться убедить.

— Я в бесконечном долгу перед тобой, Дон Юн...

Он каждый раз это говорил, но только сейчас я понял всю глубину этих слов. Видел в его глазах, в дрожащем теле, чувствовал слабые трепыхания его сердца. Глава Эдема умирал.

Слишком поспешная смерть.

Не было ни слез, ни причитаний. Это жалкий конец для человека, который защищал и вел за

собой столько людей. Кровь растеклась по полу, как болото, и запах смерти витал повсюду. Было темно и холодно. Не осталось ничего. Будет ли время упокоить мертвых? Нет, в те краткие мгновения, когда мы держались за руки, мы лишь делились историей, сотканной из тишины.

Я пишу эту историю в свой дневник, и вспоминаю те слова, которые сказал в тот день.

— Зачем ты всё это делал?

И Глава ответил.

— Потому что я такой же, как и ты.

Мы отпустили руки одновременно, поэтому не было ни сожаления, ни обиды. Это были короткие деловые отношения. Если кто-нибудь прочитает мой дневник, то что он подумает об этом человеке? О причинах, по которым он делал то, что делал? Я вспоминаю его последние слова и все еще думаю, что в каждом человеке живет хоть капля надежды.

Молча поднимаюсь, держа Кан Су Рён. Ноги еще дрожали, но никаких чувств не осталось. Да, именно так я это запомню.

Аромат цитрона, который я почувствовал при самой первой встрече с Главой, постепенно улетучивался.

Коридор уже весь изрешечен пулями, окна разбиты. Но Старый перемещался по коридору, умело блокируя приближение тех, кто поднимался по лестнице. Мы можем стрелять в них, они не могут стрелять в нас, и это преимущество сохранялось за нами даже после обнаружения взлома. Старик сплюнул на пол и бросил пустой магазин, потом заметил меня, выходящего из комнаты, и громко крикнул.

— Где Су Рён?!

Она не очнулась от шума. Цвет лица был намного лучше, чем раньше, благодаря горячему пакету и джемперу, а температура тела стала чуть выше. Успокоив свое колотящееся сердце и нарастающее нетерпение, я подсадил женщину себе на спину, для надёжности привязывая к себе веревкой. Мы готовы идти.

— Она жива! — крикнул я Старому, который ждал у лестницы.

Тот кивнул, продолжая стрелять по бродягам. Их вопли смешивались со звуками выстрелов. Я

вскинул винтовку и перевел дыхание, глядя в сторону двери запасного выхода на другом конце коридора.

— Давай туда, — сказал старику.

Старый выкинул опустевший магазин и промчался мимо меня.

— За мной!

Стиснув зубы, я побежал следом. Чувствую на спине Кан Су Рён, ее запах, окружающий меня, и понимаю, что никогда больше не отпущу ее. Не позволю себе потерять. Сделал глубокий вдох.

БАМ!

Старик с размаху ударил прикладом по замку. Тот отлетел с глухим стуком, а Старый сильным ударом ноги разнес дверь запасного выхода. Свет от фонарика, который я держу в руках, бешено светит вперед.

Топот бродяг стал бешеным эхом отдаваться в коридоре позади меня. Но он раздается не с той стороны: они знают пожарную лестницу, по которой мы пытаемся выбраться.

— Шевелись! — рявнул Старый, сунув мне полный магазин патронов.

Дрожащими руками я перезарядился. В ушах звучат выстрелы, а от прыгающего света фонарика кружится голова. Вижу бегущих к нам по лестнице людей.

— Давай, давай! — командует кто-то из бродяг.

Они заметили нас на лестнице, но даже дернуться не успели, когда Старый выстрелил в одного из них. Кровь брызнула на ступени. Я воспринял это, как сигнал, и бросился вперед, стараясь уберечь от выстрелов Кан Су Рён.

БАХ!

Звонкий выстрел, вспышка света, и люди падают. Мы были похожи на порыв ветра в тростниковом лесу.

Третий этаж, второй этаж и первый этаж.

Снаружи, через окна, уже царил хаос, бесчисленные лучи света освещали лестницы, по

которым мы проходили. Старый то и дело стрелял, отвечая бродягам пулями, и они разбегались, поспешно ища укрытия.

Я выдохнул и на мгновение присел у двери, чтобы перевести дух. Теперь мы на втором этаже. Осталось только вернуться тем же путем, что и пришли.

— Чёрт! — рявкнул Старый, прекратив огонь.

Когда я уже собирался выбежать, то вдруг остановился и повернулся посмотреть на старика, который перестал стрелять. А он стоял и ругался на глушитель, который совсем вышел из строя. Ой, я забыл. Забыл, что глушитель — это не слишком надёжное крепление. Я быстро бросил винтовку, которую держал в руках, Старому и выстрелил из пистолета вперед.

Бродяги, до этого сидевшие по укрытиям, пока Старый стрелял, от одиночного выстрела повывлазили, как тараканы. Они бросились к нам, но времени прицеливаться не было. Я стрелял по ним, но бродяг слишком много. Но тут старик, взявший у меня винтовку, подал знак, что закончил ее заряжать.

— Беги к воде, Дон Юн!

Старый снова начал стрелять. Люди, бежавшие к ним с фонариками и оружием, падали на землю, и только несколько человек спешно попрятались от шальных пуль. Я заглушил вздох облегчения и, понимая, что у нас все получилось, бросился бежать к пирсу. Все получилось! Когда вддали показалась река, я издал приглушенный крик и прибавил шагу.

— Ох!

Но это было только на мгновение, так как звук сзади остановил меня.

— А-а-а!

Раздался грохот.

Сердце ушло пятки. Нервы, пульсировавшие от облегчения и радости, мгновенно замерли, а крик знакомого голоса заставил насторожиться. Я застыл на месте, руки дрожали. Заставил себя обернуться, и...

Там был Старый, который отчаянно полз по земле, а из бедра его торчал арбалетный болт.

Глаза метались по сторонам, ища того, кто стрелял. Болт? Откуда он взялся? Почему старик не видел нападавшего? Меня начало трясти, как при землетрясении, и взгляд остановился на темной фигуре на третьем этаже. Фигура держала что-то продолговатое. Я не мог разглядеть

лица в густой темноте, но нервы подсказывали, что этот человек опасен.

Идеальная слепая зона. А тень... Почему-то показалось, что она улыбается.

Вдалеке я услышал отчаянный крик Старого.

— Беги, Дон Юн, беги!

Я не могу.

Ни за что.

Старик схватился за бедро, стреляя по приближающимся людям. Но болты продолжали сыпаться, вынуждая его остановиться и укрыться. Старый находился в кольце, как богомол, пойманный муравьями, и кричал на меня, чтобы я уходил. Неужели это конец? Дыхание перехватило, сердце заколотилось.

А пистолет?

Осталось еще пять пуль.

Если побегу спасать старика, мы все погибнем. Сколько бы я ни думал об этом, единственным способом сохранить жизнь для большинства из нас было бегство. Старый знает это, и он не торопится, кричит, чтобы я бежал. Но должен ли я бежать? Бросить Старого? Опять смириться с потерей?

— А-а-а...

Изо рта вырвался истошный крик, сопровождаемый рваным дыханием. Нет, нет, нет! Старый не умрет здесь.

Боже, пожалуйста, дай мне еще один шанс. Но на мою отчаянную мольбу ответил не Бог и не кто-то другой, а я сам.

Время замедлилось, мысли ускорились.

Думай, думай, думай.

Сцена замедляется, все пространство расплывается в разрозненные кадры. И там, где я ищу подсказки, происходит резкая вспышка света. Глаза зажмуриваются, закладывает уши. Любой звук сменяется звоном, атакующим барабанные перепонки, а зрение вспыхивает, как петарда.

И я начинаю делать то, что подсказывает мне тело, а не голова.

Чувствую тепло горячего глушителя через кожаные перчатки и откручиваю его от пистолета.

Раскаленный глушитель упал на пол, его жалкий звук тихим эхом отдавался в ушах. Я по-прежнему держал пистолет одной рукой, сосредоточив все свое внимание на единственном видимом мне объекте. Да, тот, что вдалеке! Я выпустил последние патроны в Чхве Тэ Сика.

Бах! Бах! Бах!

Он удивленно пригнулся. Но, конечно, пули, направленные на дальние цели, промахнулись, попав только в стены и подняв бетонную пыль. Но в этот момент шум в ушах, вызванный суматохой, стихает, и все перестают двигаться.

Бродяги тоже знают, что пять пуль — это не просто пулевые отверстия.

Выстрелы начинают эхом разноситься по Городу. Грохот пробуждает от дремоты третью сторону. Вдали поднимаются черные волны. Но это не воды реки Хан, а реки мертвяков, несущиеся сюда.

Я бросился к Старому, прижимая Кан Су Рён. Не собираюсь упускать последний шанс переломить ситуацию.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4868982>